

Большое счастье — петь в Большом

Общая газета,
— 2002 — 24 янв.
— с. 9

Один из лучших русских баритонов Владимир РЕДЬКИН поет в Большом партию Дон Карлоса в «Силе судьбы». Постановка этой едла не самой сильной оперы Верди в Москве — большое событие. Ставил итальянец, потомственный оперный режиссер Пьер Франческо Мазеттини, который сделал все так, как учил его папа (тоже режиссер) Карло. Декорации привезли из неаполитанского театра «Сан Карло». Труппа и оркестр — наши. Владимир Редькин же считает эту постановку для себя лишь «очередной премьерой». Он пел этот спектакль много раз в Шотландии и Испании.

— Итак, сегодня в Большом все лучшее — и лучшая музыка, и режиссер, и «один из лучших вердиевских баритонов мира», как назвал вас американский журнал «Opera news».

— Я вообще-то об этих комплиментах стараюсь поменьше распространяться. Это было после постановки «Макбета» Верди в Гамилтоне. Действительно, удачная была работа с прекрасным дирижером Дэниэлем Липтоном, публика восторженно приняла спектакль, потому и в прессе были такие отклики.

— Вы бы хотели после «Силы судьбы» спеть в Москве «Макбета»?

— Конечно. Ведь в Мариинке Гergieв поставил уже эту оперу.

— Эта извечная конкуренция двух ведущих отечественных театров...

— Я к Гергиеву отношусь с глубочайшим уважением. Это великий дирижер. Но я против несправедливости в отношении Большого. Когда всюду наши критики пишут, что в Мариинке всё блестяще, а в Большом всё плохо, это до такой степени неправда, что видно невооруженным глазом. Здесь великая балетная труппа, выдающиеся голоса и блестящий оркестр. Только непрофессионалы могут говорить об упадке в Большом. Я пел в Ла Скала, Вене, в Сан-Франциско, Гамбурге — долго все перечислять, но ни с чем не сравнимо счастье петь в Большом. Говорят, в храме должны быть стены намоленные. Так и в театре. Здесь какая-то витает энергетика великих артистов — Шалапин, Плисецкая, Атлантов, Пирогов, Рейзен...

— Вас так злит критика?

— Не критика вообще, а непрофессионалы, которые берутся судить о том, в чем мало понимают. Посмотришь, у иного ни образования музыкального, ни знания театра, но пишет оперные рецензии, и исключительно ругательные. Нельзя унижать театр непрофессиональной критикой.

— Ну и что, собака лает — караван идет.

— Если бы. Вот пример последнего времени. Под огонь такой непрофессиональной критики попала постановка «Млады». Такого спектакля нет больше нигде в мире! Ставили Борис Пок-

ровский и Александр Лазарев — это же величайшие музыканты. Но в прессе оказались сильнее голоса тех, кто в опере ничего не смыслит. И спектакля нет.

— Почему же так случилось?

— Потому что есть люди, глухие к искусству. В том числе и среди тех, кто принимает решения. У них какое-то «спортивное» отношение к опере. Им обязательно надо, чтобы был зафиксированный результат. Пробежал стометровку за 10 секунд — значит, чемпион. А в вокале все не так очевидно. Рассуждения о бельканто интересны профессионалам, а не слушателям.

— А что же им интересно?

— Правда жизни. Человеческие чувства. Борис Покровский, которого я считаю величайшим оперным режиссером, говорил: «Главное в пении — интонация».

— И вы считаете, что людям сегодня интересны страсти прошлых веков?

Дон Карлос

— А люди не изменились, они ведь не стали роботами. Как любить, так и любят, как ненавидели, так и ненавидят. Вот мои любимые герои — Макбет, Грязной. В каждом — буря страстей, любовь, злодейство. А вы думаете, в нашей жизни этого нет? Мои родители — из деревни. Мать рассказывала историю, случившуюся у них в селе. Жена приревновала мужа. Однажды, когда тот был пьян, накинула на голову ему тряпку, связала и говорит: «Я тебе сейчас отрублю голову». И ударила его валенком. Муж умер от испуга. Разве не страсть?

— А как сын ткачихи и слесаря попал в Большой театр?

— Я всю жизнь пел. Нас с братом охотно принимали в детские хоры. Учился в районной музыкальной школе по классу баяна. Потом поступил в музыкальное училище имени Октябрьской революции. Правда, сначала у меня даже документы не приняли — по инструкции на вокальное отделение можно было поступать только с 18 лет. Но члены приемной комиссии уговорили директора, и он согласился: «Если у парня есть голос — пусть учится». А в том, что я стал певцом, главная заслуга моего педагога Валерии Алексеевны Пого-

вой. Она и учила, и заботилась обо мне, как вторая мать. Потом я служил в армии, пел в ансамбле Московского округа. Вернулся в училище, закончил, поступил в консерваторию.

— Очень гладкая получается карьера.

— Возв не. Знаете, как Рерих говорил: благословенны трудности, ими растем. Первые годы в консерватории были очень тяжелыми. Я попал сначала в класс к Дмитрию Ивановичу Селиванову, был такой баритон в Большом театре. Замечательный, удивительно добрый человек. К сожалению, я совсем немного с ним занимался, месяца два, он умер. Меня перевели в класс Александра Иосифовича Батурина. И он тоже через два года умер. Это очень тяжело для вокалиста — менять педагога. Разные школы, технологии пения. Да дело даже не в технологиях. В вокале очень много зависит от восприимчивости ученика. Это на словах не объяснишь. Не случайно в классах вокалистов возникают какие-то почти родственные отношения. Моей главной удачей стало то, что я попал к моему любимому Зурабу Лаврентьевичу Соткилаве. Человек, который страстно любит преподавание. Хотя у него немного было учеников. Александр Федин, он сейчас поет в Кельне, Владимир Богачев — тоже поет за границей. И «аз многогрешный». После консерватории по конкурсу прошел на стажировку в Ла Скала. Там как раз Кончаловский ставил «Онегина». Посчастливилось участвовать в репетициях вместе с Гяуровым. После этого состоялся мой дебют в Большом — я спел Фигаро в «Севильском цирюльнике». Это было в 86-м году. А вскоре Кончаловский опять пригласил меня в Ла Скала, я выступал в «Пиковой даме» вместе с Миреллой Френи.

— С тех пор вы пели во многих крупнейших театрах мира. И все-таки не бросили Большой, хотя наверняка вам предлагали условия лучше?

— Предлагали, конечно. Контракты в нашем театре не самые выгодные. Но мы же не можем быть оторваны от жизни. Как страна переживала смутное время, так и в театре было. Сколько раз менялось руководство. Но сейчас есть надежда, что самое тяжелое время прошло. Например, незадолго перед новым годом приняли наконец разумный вариант реконструкции театра. Когда Ковент-Гарден закрыли на реконструкцию, растеряли всю труппу, до сих пор восстановить не могут. У нас сейчас понимают, что нельзя выбросить людей на улицу. Большой не закроют. Лишь на то время, когда будет происходить монтаж оборудования сцены, мы уедем на гастроль. Я пою в Большом 13 партий — почти весь баритоновый репертуар, кроме «Богемы». Я люблю эту сцену и хочу здесь работать.

Олег ДУЛЕНИН